

**Юрий Валентинович
Трифонов
28.08.1925—28.03.1981**

**Творчество Ю.В. Трифонова в
зеркале советской критики**

Жизнь и творчество Юрия Трифонова

Родился Юрий Валентинович Трифонов в Москве. На его долю выпали исчезновение близких людей и Отечественная война, нелегкая жизнь сына врага народа, культ личности и смерть Сталина, хрущевская оттепель, начало и пик того времени, которое ныне называют застойным, с конца 60-х годов — пристальное внимание цензуры и непреходящая популярность в стране и за границей, намерение Нобелевского комитета рассмотреть в 1981 г. его кандидатуру, предложенную Г. Беллем, на премию по литературе...

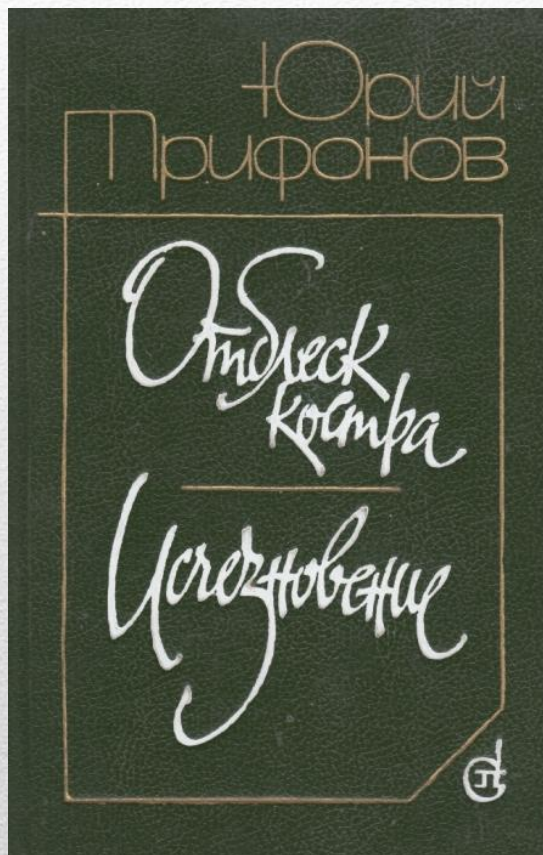

г. Москва, 1980г.

Трифонов писал о том, что главный суд — это когда человек разбирается в самом себе. Трифонов доверялся только читателю-другу, который должен был сам «настроиться на частоту» писателя, чтобы уловить как отрицание этой системы власти, так и глубокое сострадание автора к ее жертвам.

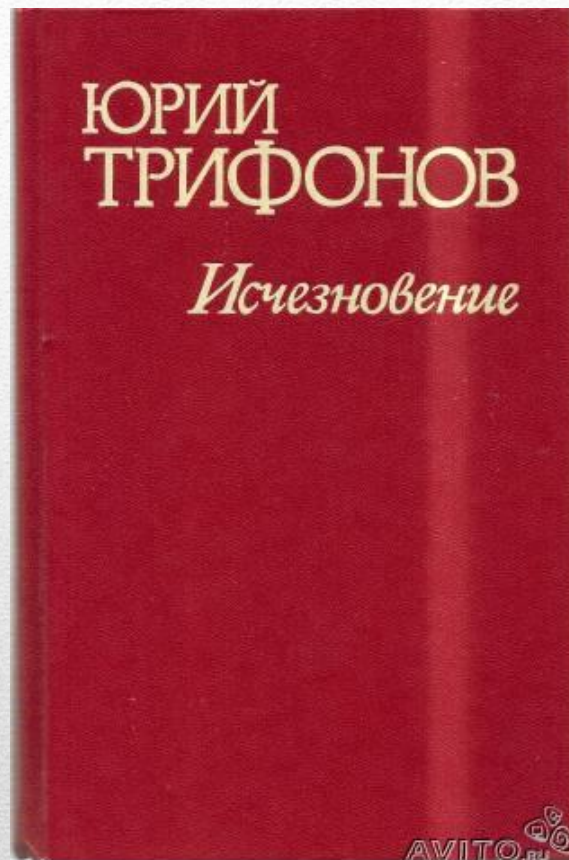
«Время и место»

- В конце 1950 года в литературе появилось это имя — Юрий Трифонов. Роману «Студенты» была присуждена Сталинская премия. Затем он исчез из литературы, а появился спортивный журналист. А в 1965 г. он потряс читателей документальным «Отблеском костра» — об отце, о времени, когда рождалась советская Россия. А затем наступил новомировский ренессанс: публикуются рассказы, городские повести, роман «Нетерпение». Выходят книги в России, Европе, США, других странах. О Трифонове всерьез заговорили ведущие литературные критики мира. Последующие публикации были уже в журнале «Дружба народов» — «Дом на набережной», «Старик», «Время и место», «Исчезновение».

«Когда течешь в лаве, не замечаешь жара. И как увидеть время, если ты в нем? Прошли годы, прошла жизнь, начинаешь разбираться: как да что, почему было то и это... Редко кто видел и понимал все это издали, умом и глазами другого времени...»

Трифонов, как хороший сейсмограф, уловил и зарегистрировал отдаленные социальные толчки, приведшие в конце концов к краху социальных иллюзий. Он показал новое состояние личности и общества [3;10].

Техника выживания: плата за успех

Сын врага народа, сумев скрыть имя отца, поступает в элитарный Литинститут. Первая же ученическая работа получает Сталинскую премию. В период, когда травят космополитов, Трифонова чествуют. Во дворе Литинститута только что умер затравленный Андрей Платонов, а Трифонову вешают на грудь позолоченный жетон с профилем великого отца всех народов.

Зощенко и Ахматова, неиздаваемые, сидят дома в ожидании ареста, а Трифонов сидит в президиумах в ожидании выхода на трибуну и аплодисментов. На фоне его триумфа идут аресты космополитов. Разоблачение Сталина. Сталинские авторы в опале - Трифонов на коне.

Идеологическая борьба. Двоюродный брат писателя Михаил Демин просит политического убежища на Западе. Строчит антисоветчину, служит на вражеских «голосах», - Трифонова это не коснулось. И позже – Пастернака, Гроссмана доводят до смерти. Солженицына выпроваживают. Культура ищет спасения на Западе. А у Трифонова в это затхлое время все печатается.

«Верховное одобрение пришло»

О получении Сталинской премии Трифонов вспоминает в «Записках соседа» так. На комитете по этим премиям Михаил Бубеннов сказал: «Он сын врага народа». Сталин спросил: «А книга хорошая?» И Федин поддержал своего студента: «Хорошая». Дали третью премию. Трифонов полагает, что Сталин вспомнил отца или дядю Евгения, и это «была любимая игра: дети целуют руки, обагренные кровью их отцов».

Опыт отца научил его осторожности в словах и поступках. Но в отличие же от отца, сын следовал нормальной, а не классовой морали, общечеловеческой порядочности. В литературных делах было всякое, но в повседневной жизни Трифонов-младший часто не поступал никак, но избегал поступать нечестно.

**В.А. Трифонов
(1888-1938)**

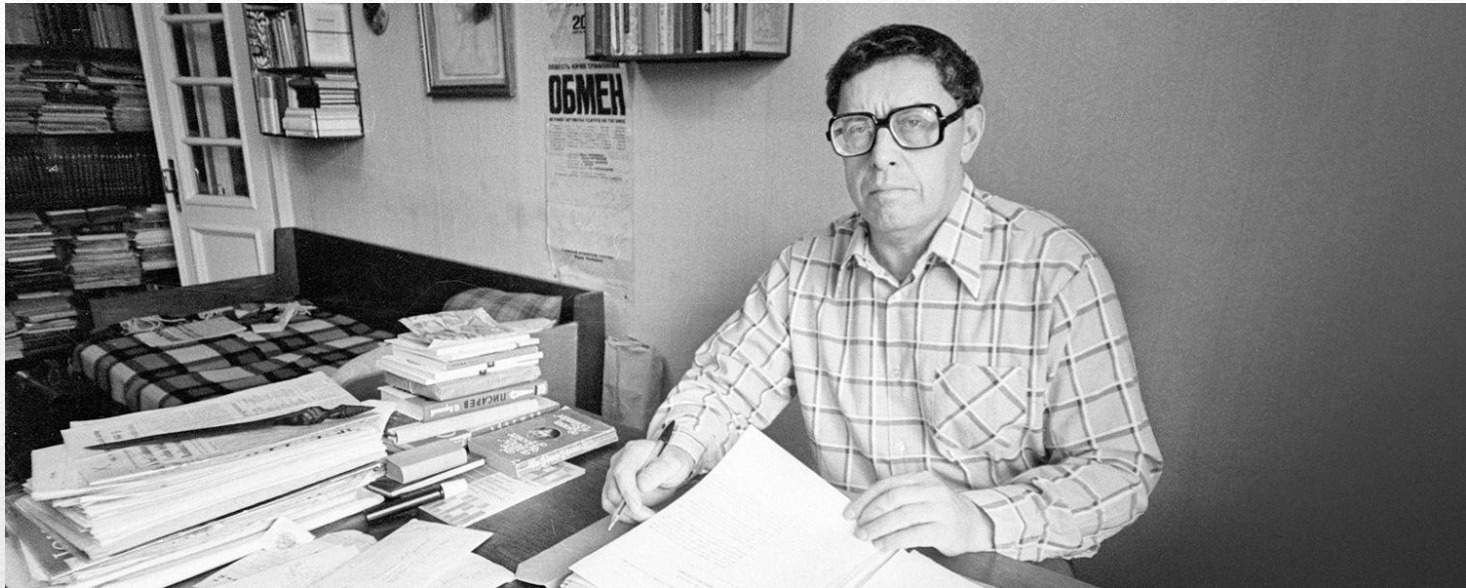
**Ю.В. Трифонов
(1925-1981)**

В романе «Нетерпение» Трифонов принужден был писать (да и не могло быть иначе) полуправду. «Помню свою книгу о воспитании детей в той же редакции Политиздата, - такому надругательству я нигде не подвергался. Полуграмотные редакторши (некоторые из них были женами партийных чиновников) кромсали на свой лад страницу за страницей».

Шло противостояние власти и интеллигенции, а он, за малым исключением, старался оставаться в стороне. Его тянули в водоворот протестов, а он ускользал. Даже обосновал свою позицию в последнем своем романе «Время и место»: «В литературе каждый отвечает за себя». «Самое трудное, что может быть, - размышляет он, - жить так, как хочется».

В 75-м за заслуги перед советской литературой Трифонов награжден орденом «Знак Почета». Многим кооперироваться с функционерами было унинительно, он же участвовал в этом с многозначительным видом. Занимал официальные посты, которые помогали печатать то, что у других не прошло бы. Писал благостные внутренние рецензии на рукописи бездарностей, с которыми состоял в правлении, а они за это сочиняли про него. Он был вполне практичным и пробивным.

Он являл собой хорошую литературу в ее умеренной, лояльной форме. Трифонов устраивал верхи, предлагая произведения талантливые, но умело обходящие главные язвы общества. Он заполнял собой в литературе место тех, кого вытравили: автора «Доктора Живаго», Солженицына, Гроссмана, Даниэля, Синявского, самиздатовских писателей.

Заслуга писателя в том, что он, согнувшись под гнетом обстоятельств, выработал свой язык общения с интеллигентным читателем, язык полувывысказывания, некасания запретного, намека на то, что всем известно, но что печатать запрещено.

Один из парадоксов биографии Трифонова в том, что писателя поддерживали своей властью именно те бездарности, которые активно топили таланты в литературе. Редактор его сочинений – секретарь Союза писателей Сергей Баруздин. Предисловия к его книгам о том, что в них святые революционные идеалы, и о том, что Трифонов хранит верность этим идеалам отцов и дедов, пишет другой секретарь Союза писателей Феликс Кузнецов. Так его приручали. Но и в трудной славе своей Трифонов все равно оставался жертвой молоха.

Он оказался подходящим внутренним интеллигентом и внешним коллаборационистом. У него даже лицо становилось похожим на их лица, когда он был среди аппаратчиков: многозначительное и ничего не выражающее. Чувство опасности его никогда не покидало.

Он умело уклонялся от знакомств, которые могли повредить. Но когда много издавалось литературы о фантомной деревне, о положительном пролетариате и партийных героях, именно он пытался осмыслить нелепость и убогость существования «прослойки» - советской интеллигенции. Именно у него мы видим приход в ничтожную жизнь с мелочными заботами тех, кто воевал за всеобщее счастье, видим нравственное падение наследников героев-отцов [1;482].

«Писатель советской эпохи или советский писатель»

**Дора Штурман
(1923-2012)**

Критик Дора Штурман писала: «...Нет, господа, Юрий Трифонов — писатель советской эпохи, но не советский писатель... Юрий Трифонов — просто большой русский писатель страшного времени, владеющий одним из тех секретов искусства, которые позволяют ему, искусству, выживать почти везде. Правда, нельзя забывать об этом почти. Трифонов же сумел в будничной повседневности, в ее скупых жестах и тихих ужасах воссоздать не только драматизм бесчеловечной эпохи, но и вневременной трагизм человеческого бытия» [3;10].

Из дневников и рабочих тетрадей

Уважаемая Ольга Р.....

Прошу Вас извинить меня, что, не зная Вашего отчества, обращаюсь к Вам так именно.

Я рискнула написать Вам, не будучи с Вами знакома, так как являюсь горячей поклонницей творчества Юрия Валентиновича Трифонова.

Написала и поняла, что это не те слова.

Дело в том, что это моя “духовная среда”, если можно так выразиться.

Я не мыслю своей жизни без трифоновской прозы.

Для меня он то же, что Чехов (но Чехов не ранний, а поздний: “Скучная история”, “Три года”, “Моя жизнь” — и особенно писем.).

Время покажет, но мне кажется, что Ю. В. Трифонов будет через знное количество лет для потомков тем же, чем Чехов для нас.

Возможно, я субъективна.

Я человек уже немолодой, по образованию художник, живу с дочерью и зятем, которые разделяют мою любовь к творчеству Ю. В. Трифонова.

Известие о его смерти было так больно, что мне кажется, я постарела сразу на несколько лет. Я перечитываю его вещи вновь и вновь. Недавно читала его беседу с Л. Аннинским в “Новом мире”, его мысли о Достоевском, и было щемяще грустно, что мы уже больше никогда ничего не прочтем в “Дружбе народов”. Ждать нечего.

Я не была знакома лично с Ю. В. Трифоновым, но мне кажется, что я его знаю давно и хорошо, настолько сильно всегда было потрясение от каждой его вещи.

Простите, что накануне Нового года пишу Вам об этом и бережу (не знаю, можно ли так сказать) Вашу рану.

Простите, я не успела сказать всего этого самому Ю. В. Трифонову и пишу это теперь Вам, как близкому ему человеку.

Примите мой низкий поклон и поздравления с Новым годом, желаю Вам счастья и душевного равновесия, счастья Вам в творчестве! [2]

С. Г-ко

Уважаемая т. Трифонова!

Мне наконец довелось прочитать последний роман Трифонова Ю. В. “Время и место”. Пожалуй, более красноречивого описания грозных событий 1937 года (за исключением 2—3 повестей других писателей, много лет назад читанных) — к тому же очень лаконичного изложения, с очень меткими характеристиками, — мне читать не приходилось. Одни сцены заводской жизни, где Антипову пришлось работать во время войны, чего стоят.

Мне понравился стиль романа, когда вроде бы для того, чтобы пояснить, писатель отсылает читателя в прошлое, иногда далекое. Например, воспоминания старой большевички во время ее эвакуации. Два-три слова — и понятна обстановка и время, когда жил мальчик Саша Антипов. А чего стоят главы с описанием быта коммунальных квартир! Эти сцены стоит занести в “Красную книгу” классического описания времени и места действия.

И как хорошо, что Антипов никакой не известный писатель, а обыкновенный для других (у Трифонова неоднократно об этом упоминается), и не все его знают (кто не читает — вовсе не знает), но просто талантливый человек, отдавший свою способность замечать все и описывать.

Мне очень горько, что не стало Трифонова Ю. В., и так рано! А Вам и журналу “Дружба народов” спасибо, что опубликовали его роман [2].

О прозе Ю.В. Трифонова

- **И.Г. Эренбург, когда прочитал «Студентов», осторожно заметил: «Автор весьма талантлив, но я хотел бы надеяться, что он когда-нибудь пожалеет о том, что написал эту книгу» [2].**
- **Исследователь А.В. Шаравин* отмечает, что повесть «Студенты», став первой успешной пробой пера Трифонова, были, несомненно, и только первой стадией его становления как прозаика, торжеством слова «идеологического» [2].**

*Шаравин А.В. – доктор филологических наук, профессор БГУ им. академика И.Г. Петровского

По замечанию исследователя А.П. Шитова*, «Начиная с «Утоления жажды» Трифонов, думается, хотел понять: почему в России получают активную поддержку идеи насилия одних над другими, разрушения общественных устоев, откуда, из какого прошлого мы такие, почему мы недослышим, недочувствуем, почему в нас так укоренился страх?» [2].

***Шитов А.П. – доктор филологических наук Барнаульского государственного педагогического университета**

Критик В.В. Огрызко* в своей статье «Свой или чужой» пишет: «Во всяком случае я никогда не относил "Нетерпение" к лучшим вещам художника и до сих пор воспринимаю эту книгу как заказную. Мне не хватает в ней искренности. Я больше доверяю другому историческому роману писателя, законченному уже в 1978 году, "Старик", прототипом главного героя которого стал казачий командир Филипп Миронов. Как вспоминала вдова писателя Ольга Мирошниченко, "публикация романа "Старик" была какой-то невероятной случайностью. Просто роман очень понравился кому-то из главных цензоров, то ли Фомичёву, то ли Солодину. До нас дошло высказывание: "Вообще-то печатать нельзя, но очень хорошо написано" » [3;8].

*** Огрызко В.В. – российский литературовед, публицист, критик. Главный редактор газеты «Литературная Россия». Член Союза писателей России.**

Когда Трифонова уже не стало, критик Валентин Курбатов* признался Александру Борщаговскому*: "Я в разное время по-разному относился к этому человеку, но "Дом на набережной" и "Старик" были так безусловно существенны, что тут уже надо было только слушать и укреплять душу, как всегда она крепнет в соседстве чужого мужества". Курбатов, когда прочитал "Старика", даже загорелся написать для издательства "Советский писатель" целую монографию о Трифонове. Но издатели сказали, что это преждевременно. Они почему-то страшно боялись Трифонова [3;9].

*Курбатов В.Я. – литературный критик, литературовед, прозаик, член Союза писателей России.

*Борщаговский А.М. – советский писатель.

Исследователь М.В. Селеменова*, говоря о «московском цикле» Ю.В. Трифонова, отмечает, что в произведениях данного цикла «На первом, поверхностном, уровне конфликт прочитывается как непонимание друг другом представителей разных социальных групп – общественной элиты, владеющей дачами, и людей из «низов», не имеющих загородного имущества и вынужденных осваивать барачное пространство как дачное. Более значимое подтекстовое содержание спора – противостояние утилитарно мыслящих героев и тех, кто ощущает исторические нити, связывающие каждого горожанина с историческим прошлым Москвы...»

***М.В. Селеменова – доктор филологических наук, профессор МГУ**

«Проблема исторической памяти / беспамятства, лишь пунктиром намеченная в рассказе «Вера и Зойка», стала впоследствии одной из узловых, сюжетообразующих в повести «Другая жизнь»: в первом произведении, в силу жанровой специфики, не представлен тип героя, способного концептуально обосновать опасность историко-культурного нигилизма, во втором уже заявлена важнейшая в творчестве Трифонова антитеза герой из народа «без истории» / герой-историк, ищущий нити прошлого...»

Список литературы

- 1.** Дружников Ю. Судьба Трифонова,, или Хороший писатель в плохое время // Дружников Ю. Русские мифы. СПб.: Пушк. фонд, 1999. 556 с.
 - 2.** Казимагомедова Р.И. Становление индивидуального подхода к «литературе факта» в творчестве Ю.Трифонова. // Казимагомедова Р.И. Язык. Словесность. Культура. 2011. №2
 - 3.** Огрызко В. Свой или чужой // Литературная Россия. – 2008. – № 46 (14. 11.). – С. 8–9.
 - 4.** Трифонова О.Р. Юрий Трифонов. Из дневников и рабочих тетрадей. // Дружба народов. 1999. №3.
 - 5.** Шитов А. Другая жизнь Юрия Трифонова: (К 75-летию со дня рождения писателя Ю. В. Трифонова) II Лит. газ. 2000. 30 авг.-5сент. (№34-35). С. 10.
-